

ТЕМА В ФОКУСЕ: 75 ЛЕТ НАТО — ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ?

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-7-50

Научная статья / Research paper

В.А. Веселов*

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1963–1975)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях стремительной деградации и разрушения архитектуры международной безопасности, восходящей своими корнями еще к временам холодной войны, новое звучание приобретают проблемы контроля над вооружениями в целом и распространения ядерного оружия в частности. Возрастает потребность в поиске новых многосторонних форматов межгосударственного взаимодействия в этой области, которые позволили бы адаптировать существующие модели контроля над вооружениями к реалиям формирующегося полицентричного мирового порядка. Решение этой задачи в свою очередь требует тщательного осмысления исторического опыта взаимоотношений стран — участниц военно-политических блоков в годы холодной войны. В данной статье подробно рассмотрены три кейса, связанных с дискуссиями между союзниками по НАТО по вопросам запрещения испытаний ядерного оружия, подготовки Договора о нераспространении ядерного оружия и, наконец, переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Показано, что во всех трех случаях решающий голос в выработке решений по проблемам контроля над вооружениями в конечном счете принадлежал США, но позиции их союзников по НАТО существенным образом влияли как на ход переговорного процесса, так и на содержание соглашений. В целом, по мнению автора, наиболее поучительным уроком дискуссий периода 1963–1975 гг. является то, что они показывают, чем обогатывается незнание уроков прошлого: игнорирование опыта переговоров

* *Веселов Василий Александрович* — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

межвоенного периода не позволило тогда реализовать все возможности многостороннего межблокового диалога по контролю над вооружениями. Сейчас этот урок становится актуальным как никогда.

Ключевые слова: США, НАТО, разрядка, контроль над вооружениями, разоружение, ядерное оружие, обычные вооружения, стратегические наступательные вооружения, ядерное нераспространение, многосторонние ядерные силы, МЯС, совместные ядерные миссии, СЯМ

Для цитирования: Веселов В.А. Проблемы контроля над вооружениями в трансатлантических отношениях (1963–1975) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 1. С. 7–50. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-7-50.

Vasilii A. Veselov

ISSUES OF ARMS CONTROL IN TRANSATLANTIC RELATIONS (1963–1975)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Against the backdrop of the rapid degradation and destruction of the international security architecture dating back to the Cold War, the problems of arms control in general and the proliferation of nuclear weapons in particular assume new significance. There is an increasing need to search for new multilateral forms of interstate cooperation in this area, which would make it possible to adapt the established models of arms control to the realities of the emerging polycentric world order. In this regard, the history of relations between the members of the military-political blocs during the Cold War could offer some valuable lessons. This article examines three cases related to the deliberations between NATO allies on the prohibition of nuclear weapons tests, the preparation of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, and negotiations on the mutual reduction of armed forces and conventional armaments in Central Europe. The study shows that though the United States had the final say in developing solutions to arms control problems in all three cases, the positions of its NATO allies significantly affected both the course of the negotiation and the content of the agreements. The author concludes that one of the main lessons to be learnt from the discussions of 1963–1975 is what ignorance of the lessons from the past can lead to. Disregard for the experience of the interwar negotiations did not allow them to unleash the full potential of a

multilateral inter-bloc dialogue on arms control. Now this lesson is becoming more relevant than ever before.

Keywords: United States, NATO, detente, arms control, disarmament, nuclear weapons, conventional weapons, strategic offensive weapons, nuclear non-proliferation, multilateral nuclear force, MLF, nuclear sharing

About the author: *Vasilii A. Veselov* — PhD (History), Deputy Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

For citation: Veselov V.A. 2024. Issues of arms control in transatlantic relations (1963–1975). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 7–50. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-1-7-50. (In Russ.)

Проблема контроля над вооружениями — одна из центральных в исследовании международной безопасности, ей посвящен обширный массив литературы. При этом основное внимание уделяется роли ключевых участников переговорного процесса, от которых зависели выработка и принятие основополагающих решений, определявших содержание договоренностей. Применительно к периоду холодной войны это были СССР и США, которые задавали параметры не только двусторонних соглашений по ядерным вооружениям, но и таких многосторонних договоров, как Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) [Шустов, 1977; Тимербаев, 1999; Смирнов, Тимербаев, 2001; Антонов, 2012; Каширина, 2013; Батюк, 2018; Seaborg, Loeb, 1987; *The other side of the table...*, 1990; Bunn, 1992; *Clearwater*, 1999; Burns, 2013; Lebovic, 2013; Tal, 2017; Ambrose, 2018; *Arms control and disarmament...*, 2018]. Роли союзников по военным блокам — Организации Варшавского договора (ОВД) и Североатлантического альянса (Организации Североатлантического договора, НАТО) — уделяется значительно меньше внимания, что соответствует их реальному вкладу в процессы выработки и принятия решений в период холодной войны [Арбатов, 2019; Heuser, 1997; *Getting to zero...*, 2011; Cooper, 2021; Krepon, 2021; Arbatova et al., 2024; Richter, 2024].

В современных условиях разрушается существующая система контроля над вооружениями, основанная на подходах, сформиро-

ванных в период биполярности. Однако, по мнению автора, данный процесс не является необратимым. Периоды конфронтации в истории международных отношениях сменялись «разрядкой» и наоборот. Переговорный процесс то затухал, то возобновлялся. Его очередное возобновление будет происходить в условиях нового, многополярного мирового порядка, но при этом для правильного понимания этого процесса важно изучать и уроки истории, относящиеся к эпохе биполярности, прежде всего с целью избежать повторения ошибок прошлого [Сетов, 2021].

В частности, очень важным представляется осмысление исторического опыта взаимодействия между союзниками внутри НАТО по вопросам выработки переговорных позиций, поскольку проблемы внутриблоковой солидарности будут иметь ключевое значение при формировании новой архитектуры международной безопасности, когда этот вопрос наконец окажется на повестке дня [Манькин, Пилько, 2005; Rapp-Nooper, 2020].

С этой точки зрения выбранный для рассмотрения временной интервал с 1963 по 1975 г. — от попытки «разрядки» в первой половине 1960-х годов до ее полномасштабного развертывания в середине 1970-х — представляется исключительно интересным по нескольким причинам. Во-первых, он характеризовался активным осмыслением уроков Карибского кризиса, результатом чего стали отказ от утопических идей «всеобщего и полного разоружения» в пользу прагматичного поиска отдельных мер обуздания гонки вооружений и заключение в 1963 г. на этой идейной основе первого масштабного соглашения в этой области — Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Московский договор)¹. Во-вторых, этот период ознаменовался серьезным разладом между партнерами по трансатлантическому диалогу, заставившим США значительно пересмотреть свою политику в отношении союзников по НАТО. Наконец, выбранный временной интервал завершился принятием Заключительного акта общеевропейского Сопровождающего в Хельсинки, установившего в том числе первый комплекс мер безопасности и доверия; а так-

¹ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1762782/ (дата обращения: 15.06.2024).

же образованием «шестерки» («G6»), ставшей еще одним, помимо НАТО, форматом трансатлантического взаимодействия. Кроме того, в мае 1975 г. с ратификацией ДНЯО² Италией и ФРГ завершился почти десятилетний период борьбы США со своими союзниками в Европе, не скрывавшими своих ядерных амбиций. После этого американская политика контрраспространения на европейском направлении перешла в иную плоскость — противодействие крупным экспортным сделкам западноевропейских государств в сфере атомной энергетики.

В предлагаемом вниманию читателей тексте автор ставит перед собой цель проанализировать исторический опыт подходов к контролю над вооружениями в период «малой разрядки» 1960-х годов и начального этапа разрядки 1970-х годов. В этой связи необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить основные проблемы в процессе согласования позиций участников переговоров — членов Североатлантического альянса; во-вторых, оценить соотношение национальных и союзнических интересов при выработке решений по вопросам ограничения ядерных и обычных вооружений в рассматриваемый период; в-третьих, определить долговременные факторы в трансатлантических отношениях, сохраняющие свое значение и в настоящее время, и в ближайшей перспективе.

Соответственно в рамках исследования рассмотрены три кейса, связанных с дискуссиями между союзниками по НАТО по вопросам (1) запрещения испытаний ядерного оружия (ЯО); (2) подготовки ДНЯО и, наконец, (3) переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Уроки Карибского кризиса

Карибский кризис имел масштабные и неоднозначные последствия, в том числе для трансатлантических отношений. Одним из них было признание необходимости принять практические меры, радикально снижающие вероятность возникновения подобных конфликтов, — как по контролю за развитием ситуации, так и по обузданию гонки вооружений. В то же время постепенно происходил отказ от попыток осуществить давнюю идею «всеобщего и полного

² Договор о нераспространении ядерного оружия, одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 15.06.2024).

разоружения», актуальность которой подчеркивало появление оружия массового уничтожения.

В сентябре 1961 г. СССР и США, пойдя на взаимные уступки, в первый и последний раз выработали общий подход, изложенный в «Совместном заявлении о согласованных принципах в качестве основы для многосторонних переговоров по разоружению»³, вошедшем в историю как «соглашение Зорина–Макклоя» в честь дипломатов, возглавлявших делегации на переговорах⁴, которые проходили, что показательно, на фоне другого — Берлинского — кризиса. Обе сверхдержавы тогда официально заявили о своей согласии с принципом «всеобщего и полного разоружения» и необходимостью заключения соответствующего договора.

При этом союзники сверхдержав должны были просто присоединиться к этому решению, что нашло отражение в принципах формирования органа, созданного ООН для реализации советско-американской инициативы. В состав «Комитета 18 государств по разоружению» вошли представители пяти членов ОВД: СССР, Чехословакии, Польши, Румынии и Болгарии; пяти членов НАТО: США, Великобритании, Франции, Канады и Италии; и восьми нейтральных и неприсоединившихся стран: Индии, Бирмы, Египта (ОАР), Эфиопии, Нигерии, Бразилии, Мексики и Швеции.

Никогда — ни до, ни после этого — стороны не подходили так близко к реализации идеи разоружения, но осуществить этот проект, однако, не удалось. С одной стороны, пока отсутствовали национальные средства технического контроля, единственным способом верификации соглашений по разоружению служили инспекции на местах, что было тогда неприемлемо для СССР. С другой стороны, быстро проявилось стремление администрации Дж. Кеннеди увязать разоруженческую проблематику с решением общеполитических задач ведения холодной войны. Выступая 10 июня 1963 г. на выпускной церемонии в Американском университете, президент подчеркнул, что стремится к достижению «подлинного мира» и в этом интересы США и СССР совпадают.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1961 г. № 1722 (XVI) «Вопрос о разоружении» // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/1722%28XVI%29> (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Советскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин, американскую — Дж. Макклой, советник президента Дж. Кеннеди.

Но вместе с тем он заявил, что «США не пойдут ни на какую сделку с Советским Союзом за счет других народов», пояснив: «... цель политики США — убедить Советский Союз, что он должен позволить каждому народу самому выбирать свое будущее»⁵. Это означало, что условием реализации идеи «всеобщего разоружения» должен был стать демонтаж политической системы как в странах Восточной Европы, так и в самом СССР.

Выходом из тупика могла стать трансформация чисто пропагандистского идеала «всеобщего разоружения» в гораздо более прагматичный лозунг «ограничения и контроля над вооружениями». Примерно в то же время, когда дипломаты работали над «соглашением Зорина–Макклоя», ряд ученых из США и Великобритании опубликовали серию работ, объединенных общей темой — контроля над вооружениями [Arms control, disarmament and national security, 1961; Bull, 1961; Schelling, Halperin, 1961]. Представители этого направления предлагали выдвинуть на передний план частные меры, ограничивающие гонку вооружений в отдельных измерениях: вертикальном (включающем два компонента — количественный и качественный рост арсеналов) и горизонтальном (пространственное распространение оружия). В качестве первых шагов ученые рекомендовали выработку соглашений о запрещении ядерных испытаний и нераспространении ЯО [Bull, 1961].

Предложенная учеными смена цели не сразу была принята государствами на политическом уровне. В США в сентябре 1961 г. был образован правительственный орган, в названии которого присутствовали оба понятия — Агентство по контролю над вооружениями и разоружению (Arms Control and Disarmament Agency). В СССР в 1960-е годы отмечали, что суть предлагаемого «контроля» — не прекращение гонки вооружений, а управление ею, и использовали другой термин — «контроль над разоружением». В Советском Союзе трансформация цели нашла отражение в записке министра иностранных дел А.А. Громыко в Политбюро ЦК КПСС от 13 января 1967 г., где он, в частности, отмечал, что необходимо продолжать активные усилия по разоружению, но следует учитывать, что борьба за всеобщее и полное разоружение займет длительное время. В этой

⁵ Commencement address at American University in Washington, D.C., June 10, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/american-university-19630610> (accessed: 15.06.2024).

связи предлагалось уделять особое внимание «некоторым ограниченными мерам» и в первую очередь — достижению соглашения по нераспространению ЯО⁶. Тем самым реализация идеала разоружения откладывалась на отдаленную перспективу (отказаться от него было нельзя, поскольку соответствующее положение было включено в текст Программы КПСС, принятой в 1961 г.), а на передний план выдвигались частные меры, блокирующие гонку вооружений. Таким образом, практика ведения переговоров потребовала выработки единого понятийного аппарата.

В ООН замена цели формально не принята до сих пор. Деятельность «Комитета 18 государств» продолжалась до 1969 г., когда ему на смену пришла Конференция Комитета по разоружению, а с 1978 г. и по сей день эти функции выполняет Конференция по разоружению. Иными словами, «всеобщее разоружение» до настоящего времени формально остается в повестке дня ООН, а «Комитет 18 государств» и его преемники сыграли роль площадки для обсуждения и выработки целого ряда документов, самым важным из которых можно считать ДНЯО.

Тем не менее прагматизм нового подхода к решению ключевых проблем международной безопасности оказался особенно востребованным сразу после завершения Карибского кризиса. Уже в посланиях, подводивших черту под острой фазой конфронтации, Н.С. Хрущёв и Дж. Кеннеди выразили готовность вернуться за стол переговоров по широкому кругу вопросов международной безопасности. Инициатива при этом принадлежала советской стороне, предложившей в качестве приоритета проблему ядерных испытаний, что совпадало с рекомендациями западных ученых⁷.

Такое совпадение мнений не было случайным: запрет натуральных испытаний блокировал возможность появления новых обладателей ядерных арсеналов, а начало 1960-х годов было временем тревожных

⁶ Выдержки из записки были опубликованы А.Ф. Добрыниным в качестве приложения к англоязычному изданию его мемуаров. См.: Dobrynin A. In confidence: Moscow's ambassador to America's six Cold War presidents (1962–1986). New York: Times Books, Random House, 1995. P. 651. В тексте, опубликованном на русском языке, данный фрагмент отсутствует. См.: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

⁷ Letter from Chairman Khrushchev to President Kennedy, Moscow, October 30, 1962 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d71> (accessed: 15.06.2024).

ожиданий в отношении перспектив горизонтального распространения ЯО. Добавление новых государств в «ядерный клуб» не только усиливало дестабилизирующие начала в международных отношениях, увеличивало их непредсказуемость, но и подтачивало особые позиции двух сверхдержав.

При этом вероятность появления ЯО у новых акторов оценивалась в то время как весьма высокая. Президент Дж. Кеннеди уже через 10 дней после инаугурации в своем первом послании «О положении страны» от 30 января 1961 г. отметил угрозу ядерного распространения в горизонтальном и вертикальном измерениях: «Каждый день мы приближаемся к часу максимальной опасности по мере того, как вооружения распространяются и враждебные силы растут»⁸.

После Карибского кризиса тема стала привлекать к себе еще более пристальное внимание руководства сверхдержав, особенно США. Кризис показал, с каким трудом могут договориться два лидера, причем при постоянном риске срыва в эскалацию. Возникал вопрос: а если бы участников кризиса было больше? В этих условиях руководители обеих сверхдержав пришли к выводу о необходимости активизировать усилия по противодействию пространственному распространению ЯО.

Выступая на пресс-конференции 21 марта 1963 г., президент Дж. Кеннеди представил следующий прогноз: «Меня преследует такое чувство, что если нам не удастся [остановить процесс распространения], то вместо четырех нынешних к 1970 г. в мире может быть 10 ядерных держав, а к 1975 г. — 15 или 20 <...>. Существует вероятность, что в 1970-х годах президент США столкнется с миром, в котором 15, или 20, или 25 стран будут обладать ядерным оружием»⁹. «Чувство», преследовавшее президента, было основано на данных американских разведслужб, вскоре подготовивших очередной доклад «Национальная разведывательная оценка», в котором рассматривались перспективы и разрабатывались первичные вари-

⁸ Annual message to the Congress on the State of the Union, January 30, 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/annual-message-the-congress-the-state-the-union-5> (accessed: 15.06.2024).

⁹ News conference 52, March 21, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-press-conferences/news-conference-52> (accessed: 15.06.2024).

анты противодействия данной тенденции¹⁰. Руководители СССР также не скрывали своего беспокойства перспективой ядерного распространения. Об этом, в частности, писал Н.С. Хрущёв в послании, направленном президенту США вскоре после выступления Дж. Кеннеди¹¹.

Обсуждение предложений по двум взаимосвязанным проблемам, более широкой — нераспространению ЯО и более узкой — запрещению ядерных испытаний, началось почти сразу после Карибского кризиса и на площадке «Комитета 18 государств», и в прямом советско-американском диалоге. При этом для США в обоих случаях прогресс в переговорном процессе прямо зависел от их способности найти общий язык с ключевыми партнерами по НАТО.

«Большая тройка» против Ш. де Голля: на пути к Московскому договору

За прекращение ядерных испытаний выступали и США, и СССР, но с разными подходами. Администрация Дж. Кеннеди при этом преследовала двоякую цель. Во-первых, эта миролюбивая инициатива отвечала интересам подготовки к выборам 1964 г. О значении предвыборных соображений брат президента Р. Кеннеди откровенно говорил советскому послу А.Ф. Добрынину¹². Вторую цель американцы так явно не афишировали, но советская сторона ее хорошо понимала.

В сфере ядерных вооружений США в тот момент имели не только количественное, но и качественное преимущество перед СССР, однако, по американским оценкам, этот разрыв должен был сокращаться по мере реализации советских программ. Таким образом, прекращение испытаний блокировало возможность совершенствования советского арсенала и консервировало американское превосходство, но руководство СССР всё же приняло политическое решение в поль-

¹⁰ Likelihood and consequences of a proliferation of nuclear weapons systems: National intelligence estimate, Number 4-63, June 28, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb401/docs/doc%201.pdf> (accessed: 15.06.2024).

¹¹ Message from Chairman Khrushchev to President Kennedy, Moscow, undated // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d98> (accessed: 15.06.2024). Документ был передан послом А.Ф. Добрыниным 29 апреля 1963 г.

¹² Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 83.

зу запрета, настаивая на том, что он должен быть полным. В таком случае прекращение испытаний стало бы первым шагом к ликвидации ЯО, что в итоге должно было обнулить превосходство США.

Камнем преткновения в достижении договоренности о полном запрете ядерных испытаний (как и вообще в контроле над вооружениями) стала проблема верификации — проверки исполнения положений соглашения его участниками. Испытания можно проводить в четырех сферах: в космосе, в атмосфере, под водой и под землей, при этом лишь в первых трех могут проводиться ядерные взрывы большой мощности, которые достаточно легко контролировать техническими средствами. Верификация подземных испытаний, мощность которых ограничена, требует сложной системы мониторинга с установкой различных датчиков на территории всех контролируемых государств. Против этой меры в тот период возражал СССР, причем сначала — категорически. В итоге глобальная система мониторинга ядерных испытаний была создана лишь в конце XX в. в связи с заключением Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)¹³ в 1996 г.

Выходом из тупика в начале 1960-х годов могло стать промежуточное решение — не полное прекращение ядерных испытаний, а частичное — в тех сферах, где не было проблем с контролем (т.е. в космосе, в атмосфере, под водой). Такое решение в начале 1963 г. представляло серьезную политическую проблему для советского руководства, публично отстаивавшего позицию о всеобъемлющем запрете испытаний. Следует учитывать и контекст — урегулирование Карибского кризиса на американских условиях воспринималось руководством СССР как вынужденное отступление, причем на этом спекулировали в Пекине, что ослабляло позиции КПСС в рамках полемики. Согласие пойти на решение крупной международной проблемы на условиях, предлагавшихся США и Великобританией, могло выглядеть как очередное отступление под давлением Вашингтона. В результате проходившие в Женеве трехсторонние переговоры (за рамками «Комитета 18 государств») зашли в тупик и 16 апреля 1963 г. были прекращены. Тем не менее политическая воля руководителей

¹³ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Открыт для подписания 24 сентября 1996 г. // Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Доступ: https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

трех держав позволила найти решение. Важно, что его принимали не только в Москве и Вашингтоне.

Очевидно, что проблема межсоюзнических отношений стала более актуальной при переходе от идеи «всеобщего разоружения» к обсуждению ограниченных мер в рамках «контроля над вооружениями». Если разоружение — «всеобщее», то все участники находятся в одинаковом положении. В «контроле над вооружениями» подход дифференцированный, а значит, возникает проблема неравенства участников, связанная со статусом, ресурсами, различиями в интересах и целях и т.д. Внутри военных блоков также обостряется проблема гарантий безопасности, которая при «всеобщем разоружении» снимается, а при «контроле над вооружениями» тесно связана с политическим контекстом и пределами возможных сокращений.

Решение проблемы ограничения ядерных испытаний зависело от подхода всех четырех ядерных держав, две из которых были союзниками США по НАТО. Позиции, занятые Великобританией и Францией, оказались противоположными, что отражало тенденцию, существовавшую к тому времени уже несколько лет и связанную с осмыслением уроков Суэцкого кризиса 1956 г. Его участники сделали для себя разные выводы. Великобритания, во время кризиса уже принадлежавшая к «ядерному клубу», после определенных колебаний отказалась от части национального суверенитета в пользу тесного сотрудничества с США в ядерной сфере [Heuser, 1997; Walker, 2010]. К противоположному выводу пришли во Франции: страна взяла курс на ускоренное приобретение ядерного статуса. В том же 1958 г., когда Лондон заключил «ядерную сделку» с Вашингтоном (техническая помощь в обмен на превращение национальных ядерных сил в де-факто филиал американских), во Франции к власти вернулся Ш. де Голль, сделавший атомную программу символом национального суверенитета, что привело к прекращению трехстороннего проекта с участием ФРГ и Италии¹⁴.

¹⁴ В 1957–1958 гг. руководители военных ведомств Франции, ФРГ и Италии (Ж. Шабан-Дельмас, Ф. Штраус и П. Тавиани) с ведома глав государств обсуждали различные варианты объединения усилий трех стран в сфере науки и технологий в целях скорейшего создания ядерного оружия. Обсуждения велись в глубокой тайне, поскольку были грубым нарушением международных обязательств, об их конкретном содержании сохранилось мало сведений (часть договоренностей была устной, часть документов уничтожена) [Ahonen, 1995; O'Driscoll, 1998].

Для Великобритании частью «ядерной сделки» с США стало участие в моратории трех держав на ядерные испытания 1958–1961 гг. — сотрудничество избавляло от необходимости форсированной разработки собственных зарядов. Важность этого решения в том, что таким образом была апробирована новая модель противодействия гонке вооружений — параллельные односторонние шаги государств в одном направлении без заключения формального соглашения. Впоследствии данная модель не раз применялась.

В то же время «особые отношения» не гарантировали отсутствие противоречий между союзниками. Один из таких кризисов в англо-американском сотрудничестве возник в конце 1962 г. Источником разногласий стало решение министра обороны США Р. Макнамары о закрытии программы разработки аэробаллистической ракеты «Skybolt», которая, по его мнению, не отвечала критерию «стоимость/эффективность». Проблема заключалась в том, что ракета была обещана администрацией Д. Эйзенхауэра британскому союзнику как средство продления жизненного цикла основы национальных ядерных сил — бомбардировщиков серии «V», к тому времени значительно устаревших. Для урегулирования кризиса потребовалась личная встреча президента Дж. Кеннеди с премьер-министром Г. Макмилланом в Нассау (Багамские острова) в декабре 1962 г. На саммите было принято решение об оснащении британских ядерных сил вместо авиационных ракет американскими баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ) «Polaris» [Murray, 2000]. В перспективе это должно было привести к превращению ядерного арсенала Великобритании из триады в морскую монаду, что для бывшей «владычицы морей» было вполне приемлемо. В то же время комбинация «английская подводная лодка — американская ракета — английская головная часть» ставила Лондон в критическую зависимость от Вашингтона. Следует отметить, что в Нассау аналогичное предложение о приобретении ракет «Polaris» было сделано и Франции [Jones, 2019].

Быстрое урегулирование кризиса в межсоюзнических отношениях было необходимо и в связи с началом обсуждения в трехстороннем формате проблемы ядерных испытаний [Oliver, 1998]. Внешне это выглядело как ослабление биполярности, однако участие Лондона отвечало интересам и Вашингтона, и Москвы. Для США это стало демонстрацией особых отношений с наиболее близким, несмотря на кризис, союзником, а с точки зрения СССР такой формат можно

было интерпретировать как возрождение «Большой тройки» 1943–1945 гг., формировавшей Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, т.е. решение насущных проблем международной безопасности не представлялось «сговором двух сверхдержав», что было тогда важно в полемике с Пекином.

Дж. Кеннеди и Г. Макмиллан, согласовав свои позиции после остановки женеvских переговоров о проблеме прекращения ядерных испытаний, направили председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущёву идентичные послания, в которых выразили готовность делегировать в Москву своих специальных представителей для выработки компромиссного решения. От Великобритании прибыл министр науки и технологий, второй виконт Хайшлем К.М. Хогг, а от США — А. Гарриман, заместитель государственного секретаря, в 1940-х годах — посол в СССР. Переговоры начались в Москве 14 июля 1963 г. В их ходе советская сторона сняла свое условие об увязке соглашения по ядерным испытаниям с заключением договора о ненападении между военными блоками в Европе, а также было решено оставить «за скобками» самый сложный вопрос — о верификации [Смирнов, Тимербаев, 2001].

Сделанные уступки позволили прийти к соглашению о запрете ядерных испытаний в трех сферах. В результате документ был подписан 5 августа 1963 г. и действует до сих пор. По оценке МИД РФ, Московский договор «стал первым шагом на пути сдерживания гонки ядерных вооружений, за которыми последовали многие другие»¹⁵. Отказ от полного запрета ядерных испытаний в пользу их ограничения был первым примером перехода от глобального решения к частным.

Следует отметить, что среди участников Московского договора в настоящее время находятся такие государства, как Израиль, Индия и Пакистан, не подписавшие ни ДНЯО, ни ДВЗЯИ, при этом он до сих пор не подписан двумя официальными ядерными державами — КНР и Францией.

При обсуждении участия в договоре четвертой ядерной державы политическая линия президента Ш. де Голля не давала надежды

¹⁵ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на церемонии открытия памятной доски на Доме приемов МИД России, Москва, 1 декабря 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/1956600 (дата обращения: 15.06.2024).

на присоединение Франции. 14 января 1963 г. на своей пресс-конференции французский президент объявил о «двух нет». Первое касалось американского предложения по БРПЛ «Polaris», второе — заявки Великобритании на вступление в Европейское экономическое сообщество. Более того, через неделю, 22 января, был подписан Елисейский договор с ФРГ. Тем самым Ш. де Голль демонстрировал приверженность идее суверенных ядерных сил (чему противоречила сама мысль о возможности перехода на американские ракеты), а отсекая Великобританию от участия в европейской интеграции, он заявлял о претензии на лидерство Франции на континенте, условием которого становился «исторический компромисс» с ФРГ. Этот курс Ш. де Голль противопоставлял как политике «англосаксов», так и «сговору сверхдержав», воплощавшемуся в договоре об ограничении ядерных испытаний (в последнем случае позиция Парижа полностью совпадала с точкой зрения Пекина). Тем не менее усилия американской дипломатии по привлечению Франции к соглашению по ядерным испытаниям продолжались вплоть до последнего момента.

В личном послании Ш. де Голлю от 25 июля 1963 г. Дж. Кеннеди выразил готовность США в случае присоединения Парижа к договору «рассмотреть альтернативы, которые избавят Францию от необходимости проводить испытания в трех сферах», выразив надежду, что возникающие при этом политические и технические проблемы могут быть решены¹⁶. Ш. де Голль в своем ответе отклонил сделку, мотивируя это как техническими (самый молодой член «ядерного клуба» нуждался в испытаниях для развития своего арсенала), так и политическими аргументами — приверженностью национальному суверенитету, что исключало зависимость от иностранной «помощи» в этой чувствительной сфере¹⁷.

Проблема суверенитета была одной из главных и при выработке позиции по отношению к Московскому договору еще одного союзника США — Западной Германии. После подписания документа государственный секретарь США Д. Раск направился в Бонн, где про-

¹⁶ Letter from President Kennedy to President de Gaulle, Washington, D.C., July 25, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d352> (accessed: 15.06.2024).

¹⁷ Telegram from the White House to the Embassy in France, August 4, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d358> (accessed: 15.06.2024).

вел непростые переговоры с канцлером К. Аденауэром. По мнению западногерманской стороны, наличие в тексте Московского договора ссылки на «суверенное право государств» после подписания его ГДР (состоялось 8 августа — за два дня до боннских переговоров) делало автоматическим признание легитимности восточногерманского соседа, что для ФРГ было тогда совершенно неприемлемо¹⁸. Лишь получив от Д. Раска заверения, что участие ГДР в Московском договоре никак не скажется на позиции США по «германскому вопросу», К. Аденауэр выразил согласие на присоединение к соглашению (состоялось 19 августа)¹⁹.

Интерес ФРГ к проблеме ядерных испытаний не был случайным: в конце 1950-х годов западногерманские специалисты исследовали тему ядерных взрывов в мирных целях, в том числе изучали проект строительства каскада ГЭС во впадине Каттара в Египте. Московский договор оставлял легальной эту категорию ядерных взрывов, что могло стать обходным путем в «ядерный клуб».

Так или иначе, Московский договор доказал принципиальную возможность заключения бессрочных международных соглашений по контролю над ЯО даже в условиях продолжения холодной войны. Однако развить успех и договориться о полном прекращении ядерных испытаний тогда не удалось, хотя в преамбуле соглашения его участники заявили о своем стремлении «достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия» и о «решимости продолжать переговоры с этой целью»²⁰. В соответствии с этой декларацией в «Комитете 18 государств» после подписания Московского договора проходили напряженные и длительные переговоры о полном запрещении подземных ядерных испытаний, но они зашли в тупик вследствие противоположных позиций, занятых сторонами по вопросу верификации.

США и Великобритания настаивали на проведении международных инспекций на местах для выявления характера сомнительных сейсмических событий. СССР отстаивал позицию, согласно которой национальные технические средства обнаружения и идентифика-

¹⁸ Telegram from Secretary of State Rusk to the Department of State, Bonn, August 10, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d361> (accessed: 15.06.2024).

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.)...

ции сейсмических явлений обеспечивают должный контроль за соблюдением обязательств по прекращению подземных ядерных испытаний [Ядерные испытания СССР, 2000: 24]. В этом вопросе позиции сторон разошлись настолько, что в переговорах о проблеме ядерных испытаний наступил почти 10-летний застой. Запрет ядерных взрывов в трех сферах лишь частично затормозил гонку вооружений, но остановить ее не мог. Более того, сохранение возможности испытаний под землей давало США определенные преимущества в качественном совершенствовании ядерных арсеналов.

Ядерные амбиции союзников против глобальной безопасности: непростой выбор Вашингтона

Несмотря на разногласия, и СССР, и США, и Великобритания уже осенью 1963 г. пытались развить тот задел, который создавал Московский договор. Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко во время встречи с президентом Дж. Кеннеди и переговоров с государственным секретарем Д. Раском 10 октября предложил реализовать советские инициативы, обсуждавшиеся с А. Гарриманом в Москве, в том числе замораживание военных бюджетов и некоторое сокращение численности иностранных войск в германских государствах²¹. Осуществить эти шаги предлагалось без заключения формальных соглашений, в виде параллельных односторонних действий, т.е. по аналогии с мораторием на ядерные испытания.

Со своей стороны Д. Раск выдвинул новое предложение — о ликвидации американских и советских средних бомбардировщиков (В-47 и Ту-16 соответственно). 21 января 1964 г. новый американский президент Л. Джонсон направил в «Комитет 18 государств» послание, в котором предложил еще ряд мер для остановки гонки вооружений. Одна из них предполагала «верифицируемое замораживание количественных и качественных характеристик стратегических вооружений, как наступательных, так и оборонительных», другая предусматривала прекращение производства расщепляющихся материалов для военных целей²². Добиться согласия сторонам

²¹ Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 78.

²² Message to the 18-nation disarmament conference in Geneva, January 21, 1964 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/message-the-18-nation-disarmament-conference-geneva> (accessed: 15.06.2024).

тогда не удалось. Главным препятствием на пути к соглашению по стратегическим наступательным вооружениям было существенное превосходство США, которое и предлагалось «заморозить». Причем именно на 1963–1964 гг. пришелся пик наращивания американских стратегических ядерных сил, т.е., уходя в отрыв, Вашингтон стремился зафиксировать соотношение в свою пользу. Лишь достижение стратегического паритета к концу 1960-х годов открыло путь к продуктивным переговорам о стратегических вооружениях.

Если остановить гонку стратегических вооружений тогда не удалось, то в противодействии горизонтальному измерению ядерного распространения сторонам сопутствовал успех. Стимулом к активизации усилий на данном направлении послужило очередное расширение «ядерного клуба».

16 октября 1964 г. пятым членом этого сообщества стал Китай, произведший свое первое ядерное испытание. Нельзя сказать, что это было неожиданным — такое развитие событий прогнозировалось, но оно произошло, когда великие державы были связаны собственными проблемами: США втягивались в войну во Вьетнаме, а в СССР и Великобритании происходила смена власти.

С точки зрения великих держав наиболее важным было не само приобретение этого оружия еще одним государством, а то, что, в отличие от предыдущего расширения «клуба», когда в него вступила Франция (1960), ядерной державой стала страна с особой политической и стратегической культурой, придерживающаяся радикального внешнеполитического курса. Не менее важным было и то, что успех Китая подстегнул желание его соседей, не скрывавших своих амбиций, создать собственное ЯО.

Прежде всего, это касалось Японии, Индии и Австралии. Премьер-министр Э. Сато прямо заявил президенту Л. Джонсону, что после китайского испытания Япония должна получить собственное ЯО [Kusunoki, 2008]. Техническими возможностями для этого страна к тому времени уже располагала. С точки зрения трансатлантических отношений возникала проблема: если своим ЯО обзаведется Япония, то как это повлияет на позицию другого проигравшего во Второй мировой войне — Германии? Не станет ли это поводом для отказа от обязательств, взятых на себя ФРГ при вступлении в НАТО?

Очевидно, что выработка глобального соглашения о нераспространении ЯО требовала определения обязательств как ядерных, так

и неядерных государств. От первых нужно было получить согласие не передавать свое оружие другим, от вторых — такое оружие не получать. И снова особое значение приобрели вопросы выстраивания Вашингтоном диалога со своими союзниками по НАТО. Поскольку среди них были как ядерные, так и неядерные государства, это ставило перед дипломатией США непростые задачи. На одной чаше весов находилась глобальная угроза распространения ЯО, на другой — проблема прочности военно-политических союзов, составлявших каркас американоцентричного мирового порядка. Для того чтобы сделать выбор, администрации Л. Джонсона потребовалось несколько лет. В итоге необходимость снизить потенциальную угрозу самому существованию США взяла верх над стремлением укрепить трансатлантические отношения.

К числу официальных ядерных держав относились два ключевых союзника США, вновь занявшие диаметрально противоположные позиции. Великобритания поддержала идею ДНЯО, поскольку это было развитием сотрудничества, начатого при выработке Московского договора. Франция в свою очередь также продолжала линию, занятую при обсуждении проблем ядерных испытаний (полный отказ от каких-либо ограничений национального суверенитета), и придерживалась ее до конца холодной войны, присоединившись к ДНЯО только в 1992 г.

Во второй группе американских союзников, помимо названных, выделялись еще два европейских государства, в то время не скрывавших своих ядерных амбиций, — ФРГ и Италия. После того как Ш. де Голль закрыл трехсторонний проект совместного создания ЯО, в Бонне и Риме продолжали искать собственные пути в «ядерный клуб», в том числе под прикрытием развития атомной энергетики. Италия при этом особенно рассчитывала на Евратом, объекты которого находились на ее территории, ФРГ — в большей мере на собственные силы [Schwabe, 2004; Lutsch, 2022].

При администрации Д. Эйзенхауэра оба эти государства стали участниками программы «Атомы для мира» и получали от США помощь в развитии ядерной энергетики. В то же время некоторые виды их деятельности вызвали серьезные сомнения в мирном характере их намерений, особенно нацеленность ядерной энергетики ФРГ на получение плутония.

Этот элемент, нарабатываемый в энергетических промышленных реакторах, по изотопному составу отличается от плутония оружейного качества, получаемого в специальных реакторах, и формально не считается сырьем для создания оружия. Однако в 1962 г. в США на полигоне в Неваде был успешно испытан «на мощность менее 20 кТ» экспериментальный ядерный заряд на основе не оружейного, а реакторного плутония²³. Как показало это испытание, конструкция такого заряда более сложная, а мощность взрыва получается существенно меньше, чем с оружейным плутонием. Но, в принципе, была доказана возможность использования этого пути для создания ЯО. Всё это означало, что без должного политического контроля даже сотрудничество в сфере «мирного атома» может иметь опасные последствия.

Таким образом, ФРГ в начале 1960-х годов уже располагала собственной базой, достаточной для создания ЯО в сжатые сроки. По американским оценкам 1963 г., на это требовалось от 4 до 5 лет с момента принятия политического решения²⁴, поэтому контроль над ядерным потенциалом и возможностями создания средств его доставки был одним из методов предотвращения превращения ФРГ в самостоятельный центр силы — как часть более широкой задачи «двойного сдерживания», возникшей еще на заре холодной войны.

Эта задача была сформулирована в США в первые послевоенные годы с учетом печального опыта межвоенного периода. Помимо более явной задачи «сдерживания коммунизма» требовалось предотвратить возрождение Германии в качестве враждебной силы [Leffler, 2005; Rearden, 2004]. Вторая часть «двойного сдерживания» оставалась в повестке дня до середины 1970-х годов, пока ФРГ не ратифицировала ДНЯО и не стала одним из членов «семерки» («G7»).

Компромиссом между задачей «двойного сдерживания» и необходимостью учитывать стремления ценного союзника стал проект создания Многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО. Данная программа преследовала двоякую цель: с одной стороны — способствовать преодолению «кризиса доверия» в альянсе [Пилько, 2007],

²³ Additional information concerning underground nuclear weapon test of reactor-grade plutonium // Canadian Coalition for Nuclear Responsibility. Available at: https://ccnr.org/plute_bomb.html (accessed: 15.06.2024).

²⁴ Likelihood and consequences of a proliferation of nuclear weapons systems: National intelligence estimate, Number 4-63, June 28, 1963...

а с другой — обеспечить «контролируемое приобщение» к ЯО союзников США, не скрывавших своих ядерных амбиций: ФРГ и Италии.

Проект МЯС НАТО в течение 6 лет своего существования (1959–1965) претерпел ряд трансформаций. Его первая редакция была изложена главнокомандующим Объединенных вооруженных сил НАТО генералом Л. Норстэдом в августе 1959 г. [Dietl, 2006]. Он предложил превратить альянс в четвертую ядерную державу путем формирования многонациональной группировки баллистических ракет средней дальности, часть которых изготавливалась бы по американским технологиям в Западной Европе и принадлежала союзникам США. По расчетам американских военных из аппарата Л. Норстэда, ядерные силы НАТО должны были включать 1087 баллистических ракет наземного и морского базирования [Palmer, 2019: 30].

В части наземных сил речь шла не об устаревавших ракетах «Thor» и «Jupiter», размещенных тогда в трех странах НАТО общим числом 105 единиц, а о нескольких сотнях ракет нового типа — твердотопливных и мобильных с увеличенной дальностью полета и улучшенной точностью наведения (мобильные баллистические ракеты средней дальности; Mobile Medium-Range Ballistic Missiles, MMRBM)²⁵.

Вторая редакция проекта МЯС принадлежала министру обороны США Т. Гейтсу. Поскольку ракеты MMRBM еще предстояло создавать, на заседании министров обороны НАТО 31 марта 1960 г. он предложил партнерам развернуть на суше модификации морских ракет «Polaris» на мобильных пусковых установках в количестве 300 единиц. Их расчеты должны были комплектоваться на многонациональной основе. Как и в плане Л. Норстэда, предполагалась передача союзникам технологий производства ракет, кроме боеголовок.

С третьей редакцией выступил Государственный департамент США. Поскольку размещение ракет на суше требовало сложных переговоров с союзниками (это наглядно продемонстрировала история с выбором мест базирования «Thor» и «Jupiter»), дипломаты решили избежать этого с помощью экстерриториального базирования

²⁵ Nalty B.C. USAF ballistic missile programs, 1962–1964. USAF Historical Division Liaison Office, April 1966. P. 59 // Minuteman Missile. Available at: http://www.alternatewars.com/WW3/WW3_Documents/USAF/USAF_BM_1962-64.pdf (accessed: 15.06.2024).

на море. Государственный секретарь А. Гертер предложил передать под управление НАТО 5 подводных лодок с ракетами «Polaris» (80 единиц). Это был минимальный по количеству вариант МЯС, такое уменьшение размеров было обусловлено тем, что ближайшие планы администрации Д. Эйзенхауэра предусматривали строительство всего 14 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами, т.е. в совместное управление передавалась треть первоначального количества (о строительстве лодок в странах Европы речь не шла).

Инициатива Госдепартамента, неоднозначно воспринятая союзниками, встретила решительное сопротивление со стороны военного ведомства США. Командование ВМС, особенно «отец атомного флота» адмирал Х. Риквер, было категорически против доступа иностранцев, даже союзников, на атомные подводные лодки, опасаясь утечек информации не столько о ракетном оружии, сколько о системе связи и управления. Более приемлемым выглядело формирование международных экипажей на надводных кораблях с теми же ракетами «Polaris».

После саммита в Нассау в декабре 1962 г. появился четвертый, окончательный вариант проекта МЯС. Теперь они должны были выглядеть как группировка 25 надводных кораблей-ракетоносцев с 8 ракетами «Polaris» на каждом. Строительство этих судов должно было вестись в Европе и финансироваться 8 странами НАТО (США, Великобритания, ФРГ, Италия, Нидерланды, Бельгия, Турция и Греция), а их экипажи — формироваться из представителей названных государств. Срок ввода головного корабля должен был составлять 3,5 года после заключения контракта, а на строительство всей серии отводилось 10 лет.

По своему внешнему виду эти корабли не должны были отличаться от американских транспортов типа «Maginet», поэтому помимо политических аспектов проект МЯС в таком виде вызывал озабоченность в СССР и по причинам военно-технического порядка. По оценке советских специалистов, подобные корабли, находясь на боевом патрулировании в зонах интенсивного судоходства в Атлантике и на Средиземном море, должны были обладать высокой скрытностью, поскольку их обнаружение и распознавание среди нескольких тысяч других судов, ежедневно находящихся в тех же районах, представляло трудноразрешимую задачу [Васильев, 1997: 26].

Это означало, что НАТО получит 200 зарядов мегатонного класса (половина количества, озвученного позднее Р. Макнамарой в качестве уровня «неприемлемого ущерба»²⁶), отслеживать местонахождение которых Советскому Союзу будет крайне проблематично. В случае оснащения кораблей МЯС ракетами создававшейся в то время модификации «Polaris A3» количество зарядов на них бы утроилось (хотя мощность каждого стала бы меньше). При этом дальность полета ракет возрастала до 4600 км, что отодвигало рубежи пуска от территории СССР и еще больше усложняло противодействие.

Вместе с тем в НАТО помимо политических существовала и организационная проблема: отсутствовали принципы формирования многонациональных экипажей и управления ими, поскольку ранее такой практики никогда не было. Только к осени 1964 г. были согласованы основные подходы к созданию смешанных экипажей надводных кораблей, которые планировалось оснастить баллистическими ракетами «Polaris», и была проведена опытная служба на американском эсминце «Claude Ricketts», ходившем под флагом НАТО. Однако именно в это время произошло событие, которое косвенно привело к закрытию проекта МЯС: вступление Китая в «ядерный клуб».

В США 1 ноября 1964 г. решением президента Л. Джонсона была образована специальная рабочая группа — Комитет по ядерному распространению [Brands, 2006], во главе которой был поставлен Р. Гилпатрик, занимавший пост заместителя министра обороны во время Карибского кризиса. Среди членов группы были также Дж. Макклой (соавтор соглашения 1961 г.) и бывший директор ЦРУ А. Даллес.

Задачами этой группы были обсуждение новой ситуации, возникшей после вступления КНР в «ядерный клуб», и выработка предложений о дальнейших действиях США. Свой доклад президенту «Комитет Гилпатрика» представил 21 января 1965 г.²⁷

По мнению авторов доклада, китайское испытание показало, что создание ЯО доступно государствам со средними возможностями,

²⁶ Remarks by Secretary of Defense Robert S. McNamara, September 18, 1967 // Bulletin of the Atomic Scientists. 1967. Vol. 23. No. 10. P. 27.

²⁷ A report to the President by the Committee on Nuclear Proliferation, January 21, 1965 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB1/docs/doc07.pdf> (accessed: 15.06.2024).

но большими политическими амбициями²⁸. Ситуация с ядерным распространением, таким образом, становилась настолько угрожающей, что требовалось срочно достичь договоренности с Советским Союзом по вопросам противодействия этим процессам. Однако для этого нужно было пойти на серьезную уступку — снять озабоченности СССР в отношении амбиций ФРГ, прикрытием которых служил проект МЯС. Это означало, что данный проект, активно продвигавшийся Госдепартаментом США при сопротивлении военного ведомства²⁹ и Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, должен был быть принесен в жертву интересам контрраспространения.

Члены «Комитета Гилпатрика» полагали, что если условием участия СССР в выработке договора о нераспространении будет отказ от планов создания ядерных сил НАТО, то с этим следует согласиться. Еще одно предложение касалось диалога с Москвой об ограничении ядерных вооружений в двустороннем порядке. Однако Л. Джонсон не подписал приложенный к докладу проект президентской директивы и далеко не сразу принял рекомендации членов «Комитета Гилпатрика».

В борьбе ведомств вокруг проекта МЯС президент в то время склонялся к позиции Государственного департамента, продвигавшего свою идею как оптимальный способ управления ядерными амбициями союзников по НАТО и утверждавшего, что в случае отказа от этого плана ФРГ пойдет на сближение с Францией. Несмотря на убедительность аргументации авторов доклада «Комитета Гилпатрика», идти на уступку Советскому Союзу по ключевому пункту разногласий за счет интересов одного из ближайших союзников в условиях обострения международной обстановки (именно в это время раскручивался маховик Вьетнамской войны) президент Л. Джонсон был не готов.

Проекты основных положений будущего ДНЯО, предлагавшиеся США в течение 1965 — первой половины 1966 г., отвергались Советским Союзом, поскольку их формулировки оставляли возможности приобщения неядерных государств к ЯО через участие в наднациональных группировках, что рассматривали в Москве как

²⁸ Ibid. P. 3.

²⁹ О причинах сдержанного отношения Министерства обороны США и Комитета начальников штабов к проекту МЯС см.: [Kaplan et al., 2006: 390–396].

«лазейку» для ФРГ — путь в «ядерный клуб» через участие в МЯС НАТО [Тимербаев, 1999: 236–249].

Переломным в переговорном процессе стал 1966 г., когда были достигнуты принципиальные договоренности между США и СССР о положениях статей I и II будущего соглашения (соответственно обязательства ядерных держав не передавать ЯО кому бы то ни было и неядерных государств — его не принимать). К тому времени администрация Л. Джонсона, выбирая между двумя приоритетами — противодействием ядерному распространению и обязательствами перед союзниками, остановилась окончательно на первом.

Если ключевые формулировки статей I и II были согласованы в ходе переговоров А.А. Громько с Л. Джонсоном и Д. Раском в сентябре–октябре 1966 г., то выработка остальных положений договора затянулась еще на полтора года. Это время потребовалось для работы американской дипломатии с союзниками, которые до достижения компромисса с СССР к обсуждению не привлекались [Brands, 2007].

Почти одновременно с выработкой компромисса между США и СССР по проекту ДНЯО произошла смена власти в ФРГ: в декабре 1966 г. была образована «большая коалиция», консервативная часть которой продолжала придерживаться курса правительств К. Аденауэра и Л. Эрхарда на приобретение ядерного статуса. При этом руководители ФРГ понимали, что просто «идти против течения» было бы контрпродуктивно, и искали собственные варианты контрраспространения [Lutsch, 2017]. Одним из таких вариантов стало предложение о разработке не универсального, а регионального договора о нераспространении, который бы оставлял лазейку типа МЯС для приобщения ФРГ к ЯО. Таким образом, была «перевернута с ног на голову» инициатива ОВД, известная как «план Рапацкого», предусматривавшая создание в Центральной Европе зоны, свободной от ЯО, т.е. «жесткий» вариант контрраспространения. В западногерманское предложение, как и в последующем в ДНЯО, был заложен «мягкий» вариант, при котором участники соглашения, отказываясь от создания собственного ЯО, могут разрешать размещение на своей территории чужого.

Собственные поиски альтернатив советско-американским договоренностям вели и в Италии [Nutti, 2017]. В частности, был предложен вариант не заключения договора, а установления моратория на создание ЯО (по аналогии с ядерными испытаниями в период

1958–1961 гг.), по истечении которого участники соглашения были свободны от обязательств по отказу от его приобретения.

Со своей стороны администрация Л. Джонсона также искала компромиссы, призванные учесть запросы союзников при сохранении договоренностей с СССР [Лекаренко, 2015]. В итоге по инициативе министра обороны Р. Макнамары в качестве компенсации союзникам за отмену МЯС было предложено участие в создаваемой Группе ядерного планирования НАТО [Priest, 2011].

В результате благодаря сочетанию давления и уступок текст ДНЯО был окончательно согласован и открыт для подписания в Москве, Лондоне и Вашингтоне 1 июля 1968 г. Первоначально договор был заключен на ограниченный срок — 25 лет, что стало результатом компромисса с потенциальными «пролиферантами» (прежде всего ФРГ и Италией), которые хотели оставить для себя «окно возможностей» на будущее, как предусматривала ранее итальянская идея «моратория».

Союзники США, способные серьезно повлиять на режим распространения, — ФРГ и Италия (а также Япония) — подписали ДНЯО под сильным давлением Вашингтона, причем в Бонне это стало возможным только после смены власти и формирования правительства социал-демократов во главе с В. Брандтом, пришедшего на смену «большой коалиции» [Борисова, 2014: 100]. При этом три названных государства сильно затянули ратификацию договора: ФРГ и Италия — до 2 мая 1975 г., Япония — до 8 июня 1976 г. Пожинать плоды их деятельности пришлось уже после окончания холодной войны, когда по истечении установленного периода на Обзорной конференции 1995 г. ДНЯО был продлен бессрочно, оставаясь и в настоящее время краеугольным камнем глобального режима нераспространения ЯО.

Первые подходы к проблеме ограничения обычных вооружений в Европе

Как было отмечено, первоначальная позиция СССР на переговорах о ядерных испытаниях была комплексной: предлагалось одновременно с соглашением о ЯО заключить пакт о ненападении между двумя блоками в Европе — ОВД и НАТО. В преддверии московских переговоров трех держав эту позицию еще раз подтвердил Н.С. Хрущёв, выступая 2 июля 1963 г. на митинге в Берли-

не³⁰. Неслучайно это было сделано в столице ГДР — как ответ на нашумевшее выступление Дж. Кеннеди в Западном Берлине и как очередное указание на то, что ключевой проблемой европейской безопасности является германская, а региональная и глобальная безопасность тесно связаны.

По мнению советской стороны, заключение соглашения о ненападении между военными блоками должно было стать основой новой системы европейской безопасности и дать старт процессу разрядки международной напряженности как контексту для сокращения вооружений. Это следует рассматривать и как стремление извлечь уроки из Карибского кризиса и снизить вероятность его повторения там, где она была наиболее высока, — в Центральной Европе.

Советская позиция была вполне логичной: процесс разоружения должен предусматривать создание механизма, гарантирующего безопасность его участников при их отказе от национальных вооружений. Очевидно, что сокращение вооружений возможно только в благоприятной политической «атмосфере», но и само в свою очередь создает новый политический «климат». Вопрос: что должно быть первым? Советское руководство в своем предложении о заключении пакта исходило из предположения, что изменение «атмосферы» должно предшествовать сокращениям вооружений.

В то же время указанный формат — заключение пакта между блоками — был неприемлем для США, поскольку в случае его реализации исчезала необходимость американских гарантий безопасности западноевропейским странам и в целом существования НАТО как одного из главных элементов сети военных блоков, на которой строилась вся архитектура американоцентричного миропорядка [Rapp-Noorger, 2020]. В результате советская сторона ради достижения соглашения о ядерных испытаниях сняла увязку указанных вопросов, но не отказалась от самой идеи пакта между блоками, которая была вынесена на отдельное обсуждение на московских переговорах, проходивших вслед за подписанием Московского договора. В ходе обмена мнениями госсекретарь Д. Раск не отвергал идею в принципе (с логикой советской инициативы было трудно спорить), но утверждал, что такой документ

³⁰ Хрущёв Н.С. В едином строю — к великой цели! Речь на митинге германо-советской дружбы в Берлине 2 июля 1963 года. М.: Госполитиздат, 1963.

должен стать не первым шагом, а финалом процесса ослабления напряженности³¹.

В связи с отсутствием интереса со стороны НАТО к идее пакта о ненападении между блоками советское руководство пошло на расширение повестки в сфере европейской безопасности. Достигнутый к середине 1960-х годов уровень противостояния обычных вооруженных сил, особенно в центре Европы, насыщенном промышленными (в том числе химическими) и энергетическими (в том числе атомными) объектами, в случае военных действий даже без перехода «ядерного порога» представлял собой смертельную опасность для всего континента, а не только для прямых участников конфликта. С учетом этого государства — члены ОВД выдвинули ряд предложений о созыве общеевропейского совещания по безопасности.

На XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ее открытие было приурочено к 25-летию начала Второй мировой войны) министр иностранных дел Польши А. Рапацкий представил предложение о созыве общеевропейской конференции по вопросам безопасности³². В определенной степени это можно считать возвращением как к формату обсуждения проблем международной безопасности в межвоенный период, нереализованным проектам создания системы коллективной безопасности, так и к инициативам 1950-х годов. В частности, государства — участники Варшавского договора 1955 г. в статье 11 этого документа заявили о своем стремлении к созданию такой системы и к заключению общеевропейского соглашения о коллективной безопасности. Неслучайно уже 20 января 1965 г. инициатива Польши была поддержана Политическим консультативным комитетом ОВД, став официальной позицией организации³³. Предложение стран Варшавского договора созвать общеевропейское совещание было затем подтверждено в «Декларации об укреплении мира и безопасности в Европе», принятой 5 июля 1966 г. в Бухаре-

³¹ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 147.

³² Conference on European security urged by Poland in U.N. // The New York Times. 15.12.1964. Available at: <https://www.nytimes.com/1964/12/15/archives/conference-on-european-security-urged-by-poland-in-un.html> (accessed: 15.06.2024).

³³ Коммюнике о заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора в Варшаве, 20 января 1965 г. // Организация Варшавского договора, 1955–1985: Документы и материалы / Отв. ред. В.Ф. Мальцев. М.: Госполитиздат, 1986. С. 80.

сте³⁴, однако ответное предложение Запада поступило только через два года и предусматривало иной формат.

Этот временной интервал был насыщен событиями в трансатлантических отношениях — от выхода Франции из военной организации НАТО до заключения ДНЯО. Инициатива ОВД о созыве общеевропейского совещания по безопасности вызвала неоднозначную реакцию в Североатлантическом альянсе. Во-первых, эта концепция соответствовала идеям Ш. де Голля об «общеевропейском доме» и одновременном роспуске военных блоков в Европе. Во-вторых, общеевропейский, т.е. внеблоковый, формат был привлекателен для ряда малых стран НАТО, которые в прошлом играли значительную роль в европейской политике. На возможность обсуждать крупные проблемы без ограничений, налагаемых блоковой дисциплиной, обратили внимание в Дании и Нидерландах. После принятия в декабре 1965 г. по инициативе Румынии резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2129 (XX)³⁵ образовалась неформальная группа из 9 малых государств, в течение 1966–1968 гг. обсуждавшая проблемы европейской безопасности. Группа состояла из трех «троек»: ОВД представляли Болгария, Венгрия и Румыния; НАТО — Бельгия, Дания и Нидерланды; нейтральные и неприсоединившиеся страны — Австрия, Финляндия и Швеция. В-третьих, существовала жесткая увязка переговорной повестки с проблемами ядерного распространения. Инициативы ОВД (заявление А. Рапацкого и последующие документы организации, прямой польско-американский диалог³⁶) выдвигали условием создания системы коллективной безопасности в Европе недопущение к ЯО Западной Германии. Для Вашингтона такая постановка вопроса имела и плюсы, и минусы. С одной стороны, этот был рычаг косвенного давления на ФРГ в целях во-

³⁴ Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе, принятая Политическим консультативным комитетом государств — участников Варшавского договора на совещании в Бухаресте, 5 июля 1966 г. // Там же. С. 94–95.

³⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г. № 2129 (XX) «Мероприятия на региональном уровне с целью улучшения добрососедских отношений между европейскими государствами, имеющими различные социальные и политические системы» // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Доступ: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/221/42/pdf/nr022142.pdf?token=JwPMx7V4rNDtBpHOc5&fe=true> (дата обращения: 15.06.2024).

³⁶ Memorandum of Conversation, New York, September 23, 1966 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d206> (accessed: 15.06.2024).

влечения страны в ДНЯО, с другой — осложняло диалог с Бонном. Наконец, и это самое главное, центральным сюжетом того времени в трансатлантических отношениях была борьба за принятие новой стратегии НАТО, определявшей контекст для выработки подходов к контролю над вооружениями.

В декабре 1966 г. на министерской встрече НАТО было принято решение о расширении политической функции организации, включая оживление переговоров по проблемам европейской безопасности. Соответствующий доклад, подготовленный группой во главе с министром иностранных дел Бельгии П. Армелем, был рассмотрен и одобрен через год — в декабре 1967 г. Центральной идеей доклада было сочетание «сдерживания» (*deterrence*) и «разрядки» (*détente*). С одной стороны, в качестве новой коалиционной стратегии была принята концепция «гибкого реагирования», предусматривавшая повышение «ядерного порога» и роли обычных сил [Пилько, 2013; Stromseth, 1988]. С другой стороны, было необходимо перехватить инициативу у ОВД в обсуждении проблем европейской безопасности путем выдвижения новой повестки. В этой связи была предложена идея проведения переговоров между двумя военными блоками в целях ликвидации количественного превосходства СССР. Аналогов этого формата в межвоенный период не существовало, поскольку тогда не было и военных блоков, но истоки самой идеи сбалансированных сокращений вооружений восходят к 1930-м годам, в частности к женеvской Конференции по разоружению 1932–1934 гг.

Первые обсуждения новой идеи происходили в узком кругу лиц, ответственных за внешнеполитическое планирование в ФРГ, США и Великобритании, регулярно встречавшихся для обмена мнениями. Непосредственно инициатива исходила от представителей внешнеполитического ведомства ФРГ, где, как было отмечено, в декабре 1966 г. сменилась власть и существовал собственный запрос на новые идеи. С точки зрения ФРГ, сокращения вооружений в Европе были привлекательны не сами по себе, а как одно из средств достижения конечной цели — объединения Германии путем поглощения ГДР. Такие препятствия, как членство в ОВД и масштабное военное присутствие СССР на ее территории, выглядели в принципе устраняемыми [Kieninger, 2016: 86–91]. В этой связи ФРГ предложила наметить в качестве цели создание в 1970-е годы Европейской системы безопасности (European Security System), которая заменила бы со-

бой и НАТО, и ОВД. При этом США и СССР не должны были быть непосредственными участниками новой системы, но становились ее гарантами. С учетом возможной реакции при обнародовании предложений оговаривалось, что одним из условий создания такой архитектуры коллективной безопасности должно стать глубокое сокращение вооружений на «взаимной и сбалансированной» основе, чтобы объединенная Германия не выглядела угрозой для соседей и континента в целом (в противном случае отказ от блоковой системы был нереален).

Препятствий на пути реализации данного замысла было достаточно. Прежде всего, созданию новой системы должны были предшествовать межблоковые переговоры о сокращении вооружений с неизбежным привлечением ГДР в качестве полноправного участника со стороны ОВД, а это в свою очередь было неприемлемо для консервативной части коалиционного правительства.

Представители США смотрели на проблему шире, имея в виду, что в случае успеха межблоковых переговоров установление количественного равенства при качественном превосходстве НАТО поставит альянс в более выгодное положение в случае крупномасштабного военного конфликта. Британские участники первых обсуждений склонялись к такому же мнению, но не упускали из виду и тесную связь контроля над вооружениями с «германским вопросом». Из Лондона перспектива усиления Германии виделась иначе, нежели из Вашингтона. Позиция Франции, в случае если бы ее представители участвовали в данных обсуждениях, скорее всего, была бы аналогичной, но в связи с политической линией Ш. де Голля на выход из военной организации НАТО они были оставлены за бортом этих сугубо конфиденциальных дискуссий. На американский подход влиял еще целый ряд факторов. В период, когда обсуждения только начинались (1966), и военное, и внешнеполитическое ведомства США единогласно выступали против сокращения американского военного присутствия в Западной Европе³⁷. В то же время для администрации Л. Джонсона сам факт ведения межблоковых переговоров позволял

³⁷ Secretary of Defense Robert McNamara memorandum for the President, 'NATO Strategy and Force Structure', September 21, 1966, top secret, excised copy // National Security Archive. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17560-document-15-secretary-defense-robert-mcnamara> (accessed: 15.06.2024); INR-Thomas L. Hughes to the Secretary, 'Possible Implications of a Substantial Cutback of US Forces in Europe', April 26, 1966, REU-37-RM, secret, attached to INR report and release form // National

решить внутривнутриполитическую проблему — погасить активность республиканцев в Конгрессе во главе с сенатором М. Мэнсфилдом, выступавших за односторонний вывод части американских войск из Европы [Dean, 1987]. Одновременно администрация обусловила поддержку западногерманской инициативы участием ФРГ в ДНЯО.

Коммюнике Североатлантического совета в Рейкьявике от 25 июня 1968 г. содержало предложение провести переговоры между двумя военными блоками о «взаимных сбалансированных сокращениях вооруженных сил» (Mutual Balanced Force Reductions, MBFR)³⁸, однако произошедшие месяц спустя события в Чехословакии послужили удобным поводом для отказа от практической реализации данной идеи. Следует подчеркнуть, что это был именно повод. Причина того, что переговоры начались лишь 5 лет спустя, заключалась в том, что внутри Североатлантического альянса в 1968 г. еще не решили, как должны соотноситься два подхода: предложенное ОВД обсуждение более широкого круга проблем безопасности в общеевропейском формате и инициатива НАТО о межблоковых переговорах.

Согласно одной точке зрения сокращения вооруженных сил необходимо было включить в повестку общеевропейской конференции во внеблоковом формате; согласно другой — вопросы контроля над вооружениями должны были стать предметом обсуждений между НАТО и ОВД. Наиболее сильным сторонником первого подхода была Франция — и при Ш. де Голле (что естественно вытекало из его представлений о европейской безопасности), и при сменившем его Ж. Помпиду. Аналогичную позицию занимала Италия, не имевшая своих войск в Германии. По своим мотивам такой же точки зрения придерживались Бельгия, Нидерланды и Люксембург, державшие свои контингенты в ФРГ, но руководствовавшиеся внутривнутриполитическими и экономическими соображениями о снижении бремени военных расходов. Последовательным сторонником отдельных межблоковых переговоров была ФРГ — автор идеи. Великобритания занимала промежуточную позицию, выжидая ответной реакции СССР (она была озвучена только на XXIV съезде КПСС в марте

Security Archive. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17559-document-14-inr-thomas-l-hughes-secretary> (accessed: 15.06.2024).

³⁸North Atlantic Council meets at Reykjavik: Text of final communique // The Department of State Bulletin. 1968. Vol. LIX. No. 1516. P. 77. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b2931909&seq=119> (accessed: 15.06.2024).

1971 г.). Находившиеся у власти в 1964–1970 гг. лейбористы в целом выступали за снижение напряженности в Европе, чему сокращения вооруженных сил должны были способствовать, но многоопытная британская дипломатия понимала, что сформированная ФРГ исходная позиция о радикальном сокращении «непереговороспособна».

В США смена власти в январе 1969 г. обострила ряд проблем. С точки зрения администрации Р. Никсона, выдвинувшей «Гуамскую доктрину» для Азии³⁹, вопросы военного присутствия США должны были решаться ростом вклада союзников. Об этом же шла речь при обсуждении новой стратегии «гибкого реагирования», предусматривавшей растягивание доядерной фазы конфликта (в отличие от принципа «натянутой проволоки» в «массированном возмездии») и соответственно повышение роли обычных сил. Однако дело было не только в «справедливом распределении бремени» (*burden sharing*) между участниками альянса. В отличие от азиатских союзников США, технико-экономический потенциал европейских стран НАТО уже мог обеспечить их существенной вклад в качественное совершенствование коалиционных сил. В этих условиях количественное сокращение вооружений двух блоков в Центральной Европе до равных уровней давало в результате перевес НАТО.

В случае конфликта это, с одной стороны, отодвигало решение о переходе «ядерного порога», а с другой — становилось одним из условий эскалационного доминирования США. Вопрос был в том, насколько глубокими могли быть сокращения. Предложение ФРГ о радикальном, на 75%, сокращении Вашингтон не устраивало, поскольку присутствие США в Европе становилось символическим. Но и отвергнуть саму идею было нельзя, поскольку инициативе ОВД об общеевропейской конференции необходимо было противопоставить что-либо конкретное. Кроме того, контроль над вооружениями рассматривался администрацией Р. Никсона (а затем и ее

³⁹ Выступая на пресс-конференции на острове Гуам 25 июля 1969 г., президент Р. Никсон впервые изложил внешнеполитическую концепцию, согласно которой региональные союзники должны брать на себя всё большую долю ответственности за обеспечение безопасности. При этом США сохраняют за собой вклад в виде высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, а союзники должны нести основное бремя ведения боевых действий. См.: Informal remarks in Guam with newsmen, July 25, 1969 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/informal-remarks-guam-with-newsmen> (accessed: 15.06.2024).

преемниками) как инструмент политики холодной войны, средство не прекращения гонки вооружений, а ее направления в выгодное для США русло. Обсуждать же принципиальные вопросы своего военного присутствия в Европе в формате, где Соединенные Штаты имели бы такой же голос, как Люксембург, Вашингтон не собирався. В результате проблемы контроля над вооружениями были вынесены из общеевропейского в отдельный, межблоковый формат.

Очевидно, что подходы, предложенные ОВД и НАТО, в принципе не противоречили, а дополняли друг друга. Только разработка различных мер по укреплению доверия и безопасности в общеевропейском формате могла проложить дорогу процессу количественного ограничения и сокращения обычных вооружений и вооруженных сил двух военных блоков. Однако прийти к этому выводу стороны смогли лишь к 1972 г., что было закреплено в решениях Московского саммита. США и СССР пришли к компромиссу по европейской безопасности, признав необходимость вести предложенные в 1960-х годах переговоры в двух форматах сразу: общеевропейском (об общих вопросах безопасности) и межблоковом (о сокращении обычных вооружений), т.е. началась реализация идей, выдвинутых, но не нашедших воплощения ранее. Судьба их оказалась различной.

Сначала начались переговоры в общеевропейском формате, предложенном ОВД в 1964 г. После интенсивных двусторонних обсуждений между будущими участниками общеевропейского совещания состоялись многосторонние предварительные консультации в Хельсинки (22 ноября 1972 г. — 8 июня 1973 г.). Позднее, 30 октября 1973 г., в Вене начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, предложенные НАТО в 1968 г. Характерно, что разница в подходах сторон отразилась даже в названии переговоров, поскольку о принципах проведения сокращений договориться так и не удалось. В НАТО их называли «Переговоры о взаимных сбалансированных сокращениях вооруженных сил» (Mutual Balanced Force Reductions, MBFR), в ОВД — «Переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе». Если опустить детали, то страны НАТО отстаивали свою исходную позицию о сокращениях до равных уровней, а делегации ОВД настаивали на одинаковых размерах сокращений.

В итоге в общеевропейском формате были согласованы позиции, приведшие к принятию «Заключительного акта» 1 августа 1975 г., а межблоковые переговоры быстро зашли в тупик. Ни СССР, ни США не были заинтересованы в реализации западногерманского замысла, лежавшего в основе диалога. При этом сам факт ведения переговоров был привлекательным для обеих сверхдержав по политическим (в том числе внутривнутриполитическим) соображениям. Выход из этого тупика был найден лишь в конце 1980-х годов в новых политических условиях. В то же время была упущена альтернатива — ведение переговоров об обычных вооруженных силах в центре континента во внеблоковом формате, в рамках общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству с обсуждением в том числе мер доверия, дополняющих решения по контролю над вооружениями. С одной стороны, эта упущенная возможность была следствием пренебрежения опытом 1930-х годов, когда нехватка мер доверия стала одной из причин провала всех предложений по контролю над вооружениями количественного и качественного характера. С другой стороны, фактор внутривнутриблоковой дисциплины (также отсутствовавший 1930-е годы) в условиях, когда разрядка рассматривалась в Вашингтоне как временное отступление от стратегии ведения холодной войны, привел к неизбежному результату — «переговоры ради переговоров».

* * *

В рассмотренный исторический период, с одной стороны, были достигнуты крупные результаты: заключены Московский договор и ДНЯО, начаты переговоры о сокращении обычных вооруженных сил в Центральной Европе — регионе с наивысшей угрозой перерастания холодной войны в «горячую». С другой стороны, эти успехи были неполными. Среди участников Московского договора не оказалось Франции — ядерной державы, союзника США по НАТО. ДНЯО был заключен на ограниченный срок — всего 25 лет, что стало результатом компромисса Вашингтона со своими крупнейшими союзниками в НАТО из числа неядерных государств. Таким образом, США были вынуждены балансировать такие интересы, как ликвидация угрозы распространения ЯО и прочность крупнейшего военно-политического союза.

Во всех трех рассмотренных кейсах ключевую роль в конечном счете играло мнение Соединенных Штатов, но позиции их со-

юзников существенно влияли как на ход переговоров, так и на их результат. Политический курс президента Франции Ш. де Голля привел к тому, что за рамками Московского договора осталась одна из четырех ядерных держав, продолжавшая испытания в атмосфере почти до конца холодной войны. При выработке ДНЯО ФРГ и Италия торпедировали идею бессрочного характера договора и добились его заключения на ограниченный срок. В случае переговоров об обычных вооружениях в Европе на начальном этапе важную роль в формировании позиции НАТО играла политика ФРГ, где появился их замысел.

Таким образом, роль США в НАТО в рассмотренный период холодной войны не может быть охарактеризована как «гегемония»; их способность в одиночку формировать политику альянса по ключевым проблемам международной безопасности была ограниченной. В то же время, формулируя подходы к контролю над обычными вооружениями, Вашингтон навязал своим союзникам такой формат (расщепление переговорных процессов на межблочный и общеевропейский), который не мог дать положительный результат в условиях холодной войны. Только взаимодополнение форматов, когда мандат новых межблочных переговоров был утвержден на общеевропейском совещании, привело к успеху. Но это произошло уже во второй половине 1980-х годов, когда был в том числе проанализирован исторический опыт 1960-х — начала 1970-х годов. В рассматриваемый же в настоящей статье временной интервал не были учтены уроки межвоенного периода. Политики 1960-х годов полагали, что такие мощные новые факторы, как появление ЯО и постоянных военно-политических организаций, обесценивают примеры прошлого. В настоящее время кажется, что исчезновение биполярного устройства мира обесценивает в свою очередь модели, выработанные в период холодной войны. Очевидно, что оба вывода ошибочны. Переход к многостороннему подходу в контроле над ЯО, внеблочному формату в сфере обычных вооруженных сил и вооружений требует анализа и обобщения уроков истории, насчитывающих уже более века (если считать первым успешным соглашением такого рода Вашингтонский договор 1922 г.). Уроки периода 1963–1975 гг. являются одними из наиболее поучительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РОССПЭН; ПИР-центр, 2012.
2. Арбатов А.Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16.
3. Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991 гг.): очерки истории. М.: Весь мир, 2018.
4. Борисова К.А. Эволюция политики ФРГ в отношении проблемы распространения ядерного вооружения: от МЯС к ДНЯО (1960–1969 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 5. С. 86–102.
5. Васильев А.М. Проект «Скорпион» — замаскированные надводные ракетноносцы // Тайфун. 1997. № 4. С. 26–32.
6. Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969–2010 гг. Воронеж: Научная книга, 2013.
7. Лекаренко О.Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/401/17.
8. Манькин А.С., Пилько А.В. Солидарность добровольная и вынужденная в исторической ретроспективе НАТО // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (8). С. 100–111.
9. Пилько А.В. Борьба за принятие доктрины «гибкого реагирования» в НАТО (1961–1969) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 5. С. 72–91.
10. Пилько А.В. Кризис доверия в НАТО: альянс на пороге перемен (1956–1966). М.: Издательство Московского университета, 2007.
11. Сетов Р.А. Наследие биполярной эпохи в макроструктуре современного мира // Человеческий капитал. 2021. № 11 (155). С. 33–43. DOI: 10.25629/НС.2021.11.03.
12. Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире (к истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний) // Ядерный контроль. 2001. Т. 7. № 1. С. 74–88.
13. Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. М.: Наука, 1999.
14. Шустов В.В. Советский Союз и проблема прекращения испытаний ядерного оружия. М.: Атомиздат, 1977.
15. Ядерные испытания СССР. Т. 3. Ядерное оружие. Военно-политические аспекты / Под ред. В.Н. Михайлова. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000.

16. Ahonen P. Franz-Josef Strauss and the German nuclear question, 1956–1962 // *The Journal of Strategic Studies*. 1995. Vol. 18. No. 2. P. 25–51. DOI: 10.1080/01402399508437593.

17. Ambrose M.J. *The control agenda: A history of the strategic arms limitation talks*. Ithaca: Cornell University Press, 2018.

18. Arbatova N., Perkovich G., Hooft van P. *The future of nuclear arms control and the impact of the Russia-Ukraine war*. Cambridge: American Academy of Arts and Sciences, 2024.

19. *Arms control and disarmament: 50 years of experience in nuclear education* / Ed. by P. Foradori, G. Giacomello, A. Pascolini. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

20. *Arms control, disarmament and national security* / Ed. by D.G. Brennan. New York: George Braziller, 1961.

21. Brands H. Non-proliferation and the dynamics of the middle Cold War: The superpowers, the MLF, and the NPT // *Cold War History*. 2007. Vol. 7. No. 3. P. 389–423. DOI: 10.1080/14682740701474857.

22. Brands H. Rethinking nonproliferation: LBJ, the Gilpatric Committee, and U.S. national security policy // *Journal of Cold War Studies*. 2006. Vol. 8. No. 2. P. 83–113. DOI: 10.1162/jcws.2006.8.2.83.

23. Bull H. *The control of the arms race: Disarmament and arms control in the missile age*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1961.

24. Bunn G. *Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians*. Stanford: Stanford University Press, 1992.

25. Burns R.D. *The evolution of arms control: From antiquity to the nuclear age*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2013.

26. Clearwater J.M. *Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM treaty, 1963–1969*. Irvine: Universal Publishers, Inc., 1999.

27. Cooper D.A. *Arms control for the third nuclear age: Between disarmament and Armageddon*. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2021.

28. Dean J. *Watershed in Europe: Dismantling the East-West military confrontation*. Lexington: Lexington books, 1987.

29. Dietl R. In defence of the West: General Lauris Norstad, NATO nuclear forces and transatlantic relations 1956–1963 // *Diplomacy and Statecraft*. 2006. Vol. 17. No. 2. P. 347–392. DOI: 10.1080/09592290600695334.

30. *Getting to zero: The path to nuclear disarmament?* / Ed. by C.M. Kelleher, J. Reppy. Stanford: Stanford University Press, 2011.

31. Heuser B. *NATO, Britain, France, and the FRG: Nuclear strategies and forces for Europe, 1949–2000*. New York: St. Martin's Press, 1997.

32. Jones M. Prelude to the Skybolt crisis: The Kennedy administration's approach to British and French strategic nuclear policies in 1962 // *Journal of Cold War Studies*. 2019. Vol. 21. No. 2. P. 58–109.

33. Kaplan L.S., Landa R.D., Drea E.J. The McNamara ascendancy, 1961–1965 // *History of the Office of the Secretary of Defense*. Vol. 5 / Ed. by A. Goldberg. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, Historical Office, 2006.

34. Kieninger S. *Dynamic détente: The United States and Europe, 1964–1975*. Lanham: Lexington Books, 2016.

35. Krepon M. *Winning and losing the nuclear peace: The rise, demise, and revival of arms control*. Stanford: Stanford University Press, 2021.

36. Kusunoki A. The Satō cabinet and the making of Japan's non-nuclear policy // *The Journal of American-East Asian Relations*. 2008. Vol. 15. No. 1. P. 25–50. DOI: 10.1163/187656108793645806.

37. Lebovic J.H. *Flawed logics: Strategic nuclear arms control from Truman to Obama*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2013.

38. Leffler M.P. *Cold War and global hegemony, 1945–1991* // *OAH Magazine of History*. 2005. Vol. 19. No. 2. P. 65–72.

39. Lutsch A. *From Bonn to Valhalla? West German nuclear ambitions, France and U.S. nuclear assistance, 1960–63* // *France, Germany, and nuclear deterrence: Quarrels and convergences during the Cold War and beyond* / Ed. by N. Badalassi, F. Gloriant. New York: Berghahn Books, 2022. P. 61–89.

40. Lutsch A. In favor of 'effective' and 'non-discriminatory' non-dissemination policy: The FRG and the NPT negotiation process (1962–1966) // *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order* / Ed. by R. Popp, L. Horovitz, A. Wenger. London: Routledge, 2017. P. 36–57.

41. Murray D. *Kennedy, Macmillan and nuclear weapons*. London: Palgrave Macmillan, 2000.

42. Nuti L. 'A turning point in postwar foreign policy': Italy and the NPT negotiations, 1967–1969 // *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order* / Ed. by R. Popp, L. Horovitz, A. Wenger. London: Routledge, 2017. P. 77–96.

43. O'Driscoll M. 'Les Anglo Saxons', F-I-G and the rival conceptions of 'advanced' armaments research and development co-operation in Western Europe, 1956–1958 // *Journal of European Integration History*. 1998. Vol. 4. No. 1. P. 105–130.

44. Oliver K. *Kennedy, Macmillan and the nuclear test-ban debate, 1961–63*. London: Palgrave Macmillan, 1998.

45. *The other side of the table: The Soviet approach to arms control* / Ed. by M. Mandelbaum. New York; London: Council on Foreign Relations Press, 1990.

46. Palmer D.A.R. *A strategic odyssey: Constancy of purpose and strategy-making in NATO, 1949–2019*: NATO Defense College research paper No. 3. Rome: NATO Defense College, Research Division, 2019. Available at: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/NDC_RP_03.pdf (accessed: 15.06.2024).

47. Priest A. The president, the 'theologians' and the Europeans: The Johnson administration and NATO nuclear sharing // *The International History Review*. 2011. Vol. 33. No. 2. P. 257–275. DOI: 10.1080/07075332.2011.555437.

48. Rapp-Hooper M. Shields of the republic: The triumph and peril of America's alliances. Cambridge: Harvard University Press, 2020.

49. Rearden S.L. The dilemmas of dual containment: Germany as a security problem, 1945–1950 // *The United States and Germany in the era of the Cold War, 1945–1990: A handbook*. Vol. 1: 1945–1968 / Ed. by D. Junker. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 204–208.

50. Richter W. German efforts to halt the disintegration of nuclear and conventional arms control // *Germany and nuclear weapons in the 21st century: Atomic Zeitenwende?* / Ed. by U. Kühn. London: Routledge, 2024. P. 157–181.

51. Schelling T.C., Halperin M.H. Strategy and arms control. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

52. Schwabe K. Adenauer and nuclear deterrence // *Europe, Cold War and coexistence, 1953–1965* / Ed. by W. Loth. London: Routledge, 2004. P. 33–51.

53. Seaborg G.T., Loeb B.S. Stemming the tide: Arms control in the Johnson years. Lexington: Lexington books, 1987.

54. Stromseth J.E. The origins of flexible response: NATO's debate over strategy in the 1960s. London: Palgrave Macmillan, 1988.

55. Tal D. US strategic arms policy in the Cold War: Negotiations and confrontation over SALT, 1969–1979. New York: Routledge, 2017.

56. Walker J. British nuclear weapons and the test ban 1954–1973. Britain, the United States, weapons policies and nuclear testing: Tensions and contradictions. London: Routledge, 2010.

REFERENCES

1. Antonov A.I. 2012. *Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya, sostoyanie, perspektivy* [Arms control: history, state of affairs, and prospects]. Moscow, ROSSPEN Publ., PIR-tsentr Publ. (In Russ.)

2. Arbatov A.G. 2019. Grezy i real'nosti kontrolya nad vooruzheniyami [Dreams and realities of arms control]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 11, pp. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-5-16. (In Russ.)

3. Batyuk V.I. 2018. *Kholodnaya voina mezhdru SShA i SSSR (1945–1991 gg.): Ocherki istorii* [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991): Historical essays]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

4. Borisova K.A. 2014. Evolyutsiya politiki FRG v otnoshenii problemy rasprostraneniya yadernogo vooruzheniya: ot MYaS k DNYaO (1960–1969 gg.) [The evolution of FRG policy on the proliferation of nuclear weapons: From MLF to NPT (1960–1969)]. *Lomonosov History Journal*, no. 5, pp. 86–102. (In Russ.)

5. Vasil'ev A.M. 1997. Proekt 'Skorpion' — zamaskirovannye nadvodnye raketonosty [The 'Scorpion' project: Camouflaged surface launch platforms]. *Taifun*, no. 4, pp. 26–32. (In Russ.)

6. Kashirina T.V. 2013. *Problema ogranicheniya i sokrashcheniya strategicheskikh vooruzhenii v amerikano-sovetskikh/rossiiskikh otnosheniyakh v 1969–2010 gg.* [The problem of limitation and reduction of strategic arms in American-Soviet/Russian relations in 1969–2010]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.)

7. Lekarenko O.G. 2015. Problema razdeleniya yadernoi otvetstvennosti v NATO v gody prezidentstva L. Dzhonsona [The problem of sharing nuclear responsibility in NATO during the presidency of Lyndon Johnson]. *Tomsk State University Journal*, no. 401, pp. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/401/17. (In Russ.)

8. Manykin A.C., Pil'ko A.V. 2005. Solidarnost' dobrovol'naya i vyzhden'naya v istoricheskoi retrospektive NATO ['Voluntary' and 'forced' solidarity in NATO's history]. *International Trends*, vol. 3, no. 2 (8), pp. 100–111. (In Russ.)

9. Pil'ko A.V. 2013. Bor'ba za prinyatie doktriny 'gibkogo reagirovaniya' v NATO (1961–1969) [The struggle for the adoption of the flexible response doctrine in NATO (1961–1969)]. *Lomonosov History Journal*, no. 5, pp. 72–91. (In Russ.)

10. Pil'ko A.V. 2007. *Krizis doveriya v NATO: al'yans na poroge peremen (1956–1966)* [The credibility gap in NATO: The alliance on the verge of change (1956–1966)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

11. Setov R.A. 2021. Nasledie bipolyarnoi epokhi v makrostrukture sovremennogo mira [Legacy of bipolarity in macrostructure of contemporary world]. *Human Capital*, no. 11 (155), pp. 33–43. DOI: 10.25629/HC.2021.11.03. (In Russ.)

12. Smirnov Yu.N., Timerbaev R.M. 2001. Pervyi shag k blagorazumiyu v yadernom mire (k istorii zaklyucheniya Moskovskogo dogovora 1963 goda o chastichnom zapreshchenii yadernykh ispytaniy) [The first step towards reasonable behavior in nuclear world (A history of the conclusion of the 1963 Limited Test Ban Treaty)]. *Nuclear Control*, vol. 7, no. 1, pp. 74–88. (In Russ.)

13. Timerbaev R.M. 1999. *Rossiya i yadernoe nerasprostranenie, 1945–1968* [Russia and nuclear nonproliferation, 1945–1968]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Shustov V.V. 1977. *Sovetskii Soyuz i problema prekrashcheniya ispytaniy yadernogo oruzhiya* [The Soviet Union and the problem of stopping nuclear weapons tests]. Moscow, Atomizdat Publ. (In Russ.)

15. Mikhailov V.N. (ed.). 2000. *Yadernye ispytaniya SSSR. T. 3. Yadernoe oruzhie. Voенно-politicheskie aspekty* [Nuclear tests of the USSR. Vol. 3. Nuclear weapons. Military and political aspects]. Sarov, RFYaTs-VNIIEF Publ. (In Russ.)

16. Ahonen P. 1995. Franz-Josef Strauss and the German nuclear question, 1956–1962. *The Journal of Strategic Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 25–51. DOI: 10.1080/01402399508437593.

17. Ambrose M.J. 2018. *The control agenda: A history of the strategic arms limitation talks*. Ithaca, Cornell University Press.

18. Arbatova N., Perkovich G., Hooft van P. 2024. *The future of nuclear arms control and the impact of the Russia-Ukraine war*. Cambridge, American Academy of Arts and Sciences.

19. Foradori P., Giacomello G., Pascolini A. (eds.). 2018. *Arms control and disarmament: 50 years of experience in nuclear education*. Cham, Palgrave Macmillan.

20. Brennan D.G. (ed.). 1961. *Arms control, disarmament and national security*. New York, George Braziller.

21. Brands H. 2007. Non-proliferation and the dynamics of the middle Cold War: The superpowers, the MLF, and the NPT. *Cold War History*, vol. 7, no. 3, pp. 389–423. DOI: 10.1080/14682740701474857.

22. Brands H. 2006. Rethinking nonproliferation: LBJ, the Gilpatric Committee, and U.S. national security policy. *Journal of Cold War Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 83–113. DOI: 10.1162/jcws.2006.8.2.83.

23. Bull H. 1961. *The control of the arms race: Disarmament and arms control in the missile age*. London, Weidenfeld and Nicolson.

24. Bunn G. 1992. *Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians*. Stanford, Stanford University Press.

25. Burns R.D. 2013. *The evolution of arms control: From antiquity to the nuclear age*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.

26. Clearwater J.M. 1999. *Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM treaty, 1963–1969*. Irvine, Universal Publishers, Inc.

27. Cooper D.A. 2021. *Arms control for the third nuclear age: Between disarmament and Armageddon*. Washington, D.C., Georgetown University Press.

28. Dean J. 1987. *Watershed in Europe: Dismantling the East-West military confrontation*. Lexington, Lexington books.

29. Dietl R. 2006. In defence of the West: General Lauris Norstad, NATO nuclear forces and transatlantic relations 1956–1963. *Diplomacy and Statecraft*, vol. 17, no. 2, pp. 347–392. DOI: 10.1080/09592290600695334.

30. Kelleher C.M., Reppy J. (eds.). 2011. *Getting to zero: The path to nuclear disarmament?* Stanford, Stanford University Press.

31. Heuser B. 1997. *NATO, Britain, France, and the FRG: Nuclear strategies and forces for Europe, 1949–2000*. New York, St. Martin's Press.

32. Jones M. 2019. Prelude to the Skybolt crisis: The Kennedy administration's approach to British and French strategic nuclear policies in 1962. *Journal of Cold War Studies*, vol. 21, no. 2, pp. 58–109.

33. Kaplan L.S., Landa R.D., Drea E.J. 2006. The McNamara ascendancy, 1961–1965. In: Goldberg A. (ed.). *History of the Office of the Secretary of Defense*. Vol. 5. Washington, D.C., Office of the Secretary of Defense, Historical Office.

34. Kieninger S. 2016. *Dynamic détente: The United States and Europe, 1964–1975*. Lanham, Lexington Books.

35. Krepon M. 2021. *Winning and losing the nuclear peace: The rise, demise, and revival of arms control*. Stanford, Stanford University Press.

36. Kusunoki A. 2008. The Satō cabinet and the making of Japan's non-nuclear policy. *The Journal of American-East Asian Relations*, vol. 15, no. 1, pp. 25–50. DOI: 10.1163/187656108793645806.

37. Lebovic J.H. 2013. *Flawed logics: Strategic nuclear arms control from Truman to Obama*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press.

38. Leffler M.P. 2005. Cold War and global hegemony, 1945–1991. *OAH Magazine of History*, vol. 19, no. 2, pp. 65–72.

39. Lutsch A. 2022. From Bonn to Valhalla? West German nuclear ambitions, France and U.S. nuclear assistance, 1960–63. In: Badalassi N., Gloriant F. (eds.). *France, Germany, and nuclear deterrence: Quarrels and convergences during the Cold War and beyond*. New York, Berghahn Books, pp. 61–89.

40. Lutsch A. 2017. In favor of 'effective' and 'non-discriminatory' non-dissemination policy: The FRG and the NPT negotiation process (1962–1966). In: Popp R., Horovitz L., Wenger A. (eds.). *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order*. London, Routledge, pp. 36–57.

41. Murray D. 2000. *Kennedy, Macmillan and nuclear weapons*. London, Palgrave Macmillan.

42. Nuti L. 2017. 'A turning point in postwar foreign policy': Italy and the NPT negotiations, 1967–1969. In: Popp R., Horovitz L., Wenger A. (eds.). *Negotiating the nuclear non-proliferation treaty: Origins of the nuclear order*. London, Routledge, pp. 77–96.

43. O'Driscoll M. 1998. 'Les Anglo Saxons', F-I-G and the rival conceptions of 'advanced' armaments research and development co-operation in Western Europe, 1956–1958. *Journal of European Integration History*, vol. 4, no. 1, pp. 105–130.

44. Oliver K. 1998. *Kennedy, Macmillan and the nuclear test-ban debate, 1961–63*. London, Palgrave Macmillan.

45. Mandelbaum M. (ed.). 1990. *The other side of the table: The Soviet approach to arms control*. New York, London, Council on Foreign Relations Press.

46. Palmer D.A.R. 2019. *A strategic odyssey: Constancy of purpose and strategy-making in NATO, 1949–2019: NATO Defense College research paper No. 3*. Rome, NATO Defense College, Research Division. Available at: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/NDC_RP_03.pdf (accessed: 15.06.2024).

47. Priest A. 2011. The president, the 'theologians' and the Europeans: The Johnson administration and NATO nuclear sharing. *The International History Review*, vol. 33, no. 2, pp. 257–275. DOI: 10.1080/07075332.2011.555437.

48. Rapp-Hooper M. 2020. *Shields of the republic: The triumph and peril of America's alliances*. Cambridge, Harvard University Press.

49. Rearden S.L. 2004. The dilemmas of dual containment: Germany as a security problem, 1945–1950. In: Junker D. (ed.). *The United States and Germany in the era of the Cold War, 1945–1990: A handbook*. Vol. 1: 1945–1968. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 204–208.

50. Richter W. 2024. German efforts to halt the disintegration of nuclear and conventional arms control. In: Kühn U. (ed.). *Germany and nuclear weapons in the 21st century: Atomic Zeitenwende?* London, Routledge, pp. 157–181.

51. Schelling T.C., Halperin M.H. 1961. *Strategy and arms control*. New York, The Twentieth Century Fund.

52. Schwabe K. 2004. Adenauer and nuclear deterrence. In: Loth W. (ed.). *Europe, Cold War and coexistence, 1953–1965*. London, Routledge, pp. 33–51.

53. Seaborg G.T., Loeb B.S. 1987. *Stemming the tide: Arms control in the Johnson years*. Lexington, Lexington books.

54. Stromseth J.E. 1988. *The origins of flexible response: NATO's debate over strategy in the 1960s*. London, Palgrave Macmillan.

55. Tal D. 2017. *US strategic arms policy in the Cold War: Negotiations and confrontation over SALT, 1969–1979*. New York, Routledge.

56. Walker J. 2010. *British nuclear weapons and the test ban 1954–1973. Britain, the United States, weapons policies and nuclear testing: Tensions and contradictions*. London, Routledge.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования
11.06.2024; принята к публикации 26.06.2024

The paper was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 11.06.2024;
accepted for publication 26.06.2024